

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2000 г. А.В. БАРАНДЕЕВ

ТЕРМИНОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ Э.М. МУРЗАЕВА (1908–1998)

В обширном научном наследии выдающегося топонимиста Эдуарда Макаровича Мурзаева ведущее место занимают труды, посвященные лингвистическому изучению географической терминологии русского и тюркских языков. Первые работы по данной проблематике связаны с разысканиями автора в Средней Азии и отличаются реальным, полевым характером сбора фактического материала, получившего убедительную интерпретацию в статьях, опубликованных в 1939–48 гг. [Мурзаев 1939; 1940; 1948]. Весьма примечательно, что эти работы появились именно в то время (1931–39 гг.), когда закладывались основы отечественного терминоведения в трудах таких ученых, как Д.С. Лотте, Э.К. Дрезен, С.А. Чалыгин, Г.О. Винокур, о деятельности которых Э.М. Мурзаев, безусловно, знал.

С полным основанием Э.М. Мурзаева можно считать основоположником современного географического терминоведения, поскольку, опираясь на труды своих предшественников, он создал принципиально новое направление в топонимических исследованиях, утвердившее исключительно важный статус географической терминологии, предполагающий, в частности, учет ее топонимообразующей функции, и заявил об этом уже в статье "Значение местных терминов в образовании географических названий" [Мурзаев 1962]. В докладе, сделанном четырьмя годами позже, ученый отмечал: "Любое топонимическое исследование не может игнорировать местную терминологию, а должно начинаться со сбора и систематизации простых географических терминов" [Мурзаев 1966: 3–6], ср. также [Мурзаев 1964].

Терминоведческая проблематика продолжала оставаться в центре внимания Э.М. Мурзаева и в последующее время. Так, в 1970 г. он публикует статью, которая начинается с ценных размышлений о неоднозначной квалификации географических терминов в топонимической литературе: "индикаторы", "номенклатурные", "нарицательные", "народные" [Мурзаев 1970]. Сам автор одинаково оперирует понятиями "номенклатурный термин" и "местный термин", хотя, по-видимому, осознает неудобство, связанное с неоправданной дублетностью. Творческая мысль ученого настойчиво ищет выход из некорректной ситуации, и уже спустя четыре года в "Очерках топонимики", куда в переработанном виде вошла названная статья как отдельная глава, встречаем определение "народная географическая терминология" [Мурзаев 1974]. Слово "народная" в этом определении вполне оправданно и не должно смущать исследователей, так как географическая терминология – это терминология, естественно (стихийно) сложившаяся в своем древнейшем фонде на основе национального языка. Народная географическая терминология отражает природно-климатические особенности различных зон и во все эпохи теснейшим образом связана с характером хозяйственно-практической деятельности человека, поэтому она представляет собой мощный и неисчерпаемый источник формирования и пополнения научной терминологии, что традиционно свойственно и ряду других генетически народных терминологий [Коготкова 1991].

Такие народные географические термины, как *гряда, сопка, грива, тайга, степь,*

тундра, прочно вошли в состав русской научной терминологии. Причем, по свидетельству О.Н. Трубачева, слово *степь* было заимствовано из русского в английский язык уже в XVI в. и фигурирует в шекспировском тексте ("Сон в летнюю ночь"), впервые опубликованном в 1600 г. [Фасмер 1987: 755–756]. Слово *тундра* известно как научный термин уже более 100 лет. Термин *тайга*, *тундра*, *степь*, *талик* заимствованы из русского в другие языки и стали междunarодными (англ. *taiga, tundra, steppe*; нем. *Taiga, Tundra, Steppe*; фр. *taiga, toundra, steppe*; англ., фр. *talik*).

В изучении терминологии Э.М. Мурзаев выделяет две взаимообусловленные и тесно взаимосвязанные проблемы: 1) сбор, систематизация, лексикографическая каталогизация терминов разной языковой принадлежности и 2) выяснение сложных вопросов сравнительного анализа терминологии, изменения форм и содержания терминов в разных регионах, установление ареалов. При этом убедительно доказана разная степень топонимообразующей функции географических терминов, поскольку динамика топонимических систем демонстрирует как утрату термина в составе топонима (*Дунай*, а не *Дунай-река*; *Вахи*, а не *Вахидарья*), так и утрату термином семантического содержания и превращение термина в формант (*-енга*, *-юга*, *-уга* в финно-угорских гидронимах). Глубокое понимание диалектики соотношения между термином и формантом позволило ученому прийти к выводу о наличии переходных форм. Например, в гидронимии Киргизии элемент *-кол* в составе названий типа *Кара-кол*, *Улахол* не осмысливается местным населением как термин *река*. Однако в Центральной Азии монголоязычное население активно употребляет местный термин *гол* 'река'. Э.М. Мурзаев обосновал необходимость привлечения терминов для разработки надежных этимологий топонимов. Он считал, что "местный термин – универсальный ключ, который в умелых руках раскрывает многие простые и трудные задачи, как семантические, так и информационные, помогающие географам, историкам, лингвистам, картографам" [Мурзаев 1974: 99–100].

Постоянное внимание к вопросам географического терминоведения проявилось и в разработке объективных классификаций, помогающих осмыслить категориально-понятийный аппарат современной географии и топонимики. В частности, была предложена родовидовая характеристика географических терминов. К "родовым" отнесены обозначения ландшафтов, крупных элементов рельефа, гидрографии, почвенно-растительного покрова, географических зон (*возвышенность*, *гора*, *хребет*, *река*, *озеро*, *лес*, *пустыня* и т.п.). К "видовым" – обозначения ограниченных элементов природной среды, видов ландшафтов (*белок*, *голец*, *гребень*, *сырт*, *старица*, *затон*, *рукав* и т.п.). Вместе с тем было выявлено наличие переходных случаев в родовидовом статусе терминов, что иллюстрируется серией доказательных примеров. Так, на Алтае и в Туве *тайга* не только 'бездлесная гора, голец', но и 'горный лес'; в Монголии – 'горные лесные дебри'; в России – 'большие массивы глухих, нетронутых лесов вообще, преимущественно хвойных' [Указ. соч.: 100 и далее]. Э.М. Мурзаев установил, что причиной такой переходности является семантический сдвиг, типично проявляющийся в географической терминологии и обусловленный сменой природных ландшафтов, или системы хозяйства, или типов населенных мест. В связи с этим семантика одного и того же термина может оказаться противоположной в двух соседних регионах, и термин может обозначать как положительную, так и отрицательную форму рельефа: *бор* 'болота' и 'сухая возвышенность среди болот' (см. [Указ. соч.: 101–102] со ссылкой на [Толстой 1969]). Эта выявленная ученым закономерность убедительно обоснована уже на материале "Словаря местных географических терминов" [Мурзаевы 1959]¹. Она стимулировала последующие топонимические исследования

¹ Научно неряшливая энциклопедия в одной из своих скупых персоналий сообщает, что авторами "Словаря местных географических (sic!) терминов" являются Э.М. Мурзаев с братом – В.М. Мурзаевым. Это – курьезное недоразумение, поскольку в работе над словарем Э.М. Мурзаеву помогала его супруга – В.Г. Мурзаева. Кроме того, глухая квалификация ученого лишь как "автора популярных трудов" представляется явно искаженной и неполной (см. [Глухов 1997: 365]).

других авторов, помогая понять причину удивительной стабильности терминов на колоссальных ареалах, помогая прояснить семантику и этимологию некоторых затемненных и эндемичных топонимов и терминов (например, *созоны, лиман, ильмень, эрик, гирло, узень*) [Барандеев 1987; 1991], а также установить генетические связи между значительно удаленными топонимическими системами [Мурзаев 1974: 108–122].

Э.М. Мурзаев сформулировал и ряд других топонимических закономерностей, среди которых переход термина в топоним: монг. *говь* 'безводное место с пустынной растительностью') пуст. *Гоби; каракум* 'неподвижные, заросшие пески') пуст. *Каракумы* [Мурзаев 1960: 71; 1985]. Противоположный процесс связан с образованием терминов от топонимов: *Бескиды* > укр. *бескид* 'утес, гора, крутой склон'; *Памир* > *памилы* 'плоские высокогорья с сыртовой геоморфологией'. Однако, разрабатывая методику топонимического исследования, ученый подчеркивал, что "наиболее правильным и плодотворным методом оказывается путь от нарицательного термина к собственному названию, а не наоборот" [Мурзаев 1974: 123].

Деликатно полемизируя с исследователями, отрицавшими возможность прямого отражения в местном географическом термине или топониме свойств обозначаемого им объекта, Э.М. Мурзаев аргументированно доказал, что местные термины и образованные от них топонимы очень часто, хотя и не всегда, прямо соотносятся с географическому объекту, что определено ученым как "топонимический позитивизм". Данная закономерность особенно наглядно проявилась в результате детального и всеобъемлющего анализа анатомической лексики разных языков, отраженной в составе народной географической терминологии. Формулировка закономерности принадлежит к классическим достижениям современной топонимики: "Термины-метафоры строятся в однотипные ряды, в которых прослеживается универсальная способность превращения слов, обозначающих части тела человека и животных, в географические термины, обладающие преимущественно геоморфологической (орографической) и гидрографической семантикой" [Указ. соч.: 135]. В статьях "Заметки по географической терминологии Русской равнины", "Топонимика и ландшафты прошлого" [Мурзаев 1976а; 1979], как и в ряде других работ, вошедших впоследствии в монографию "Топонимика и география" [Мурзаев 1995], ученый убедительно показал, какой большой информационный потенциал заключают в себе топонимы с формантами типа *новина, пал, починок, сеча, чисть* и др., способствуя пониманию динамичности ландшафтов разных природных зон, помогая в их реконструкции.

В работах по терминоведческой проблематике Э.М. Мурзаев указывал, что народные географические термины формируют основной фонд научной терминологии, а заимствования из языков народов СССР обогатили "терминологическое хозяйство" русского языка. Выводы и обобщения, сделанные ученым, служат надежным ориентиром для новых поколений исследователей, которым близки и понятны его слова о том, что "зная народную географическую терминологию, можно точнее записать и глубже понять происхождение многих собственных имен. (...) В народных терминах, часто сленцифичных и узкосленцифизированных, иногда скрывается указание на наличие полезных ископаемых, состав и характер растительного и почвенного покрова, форм и типов рельефа и многих других особенностей природной среды, как и на наличие тех или иных типов поселений, что имеет исключительно большое значение для топонимических исследований в помощь историку, географу, лингвисту" [Мурзаев 1974: 124]. Этим идеям Э.М. Мурзаев оставался верен и в своих последних работах, в которых он размышлял о физико-географических, этнокультурных, историко-культурных апелляциях в топонимии, о русской географической лексике тюркского происхождения, о странствующих терминах [Мурзаев 1996].

Научное наследие ученого наглядно свидетельствует о его пионерской деятельности и в сфере географической терминологии. Заметным событием в изучении географической терминологии стало издание "Словаря местных географических терминов" [Мурзаевы 1959], отразившего терминологию, бытующую в языках народов СССР. Впрочем, как сознавали сами авторы, словарь смог лишь частично отра-

зять богатство русской географической терминологии, так как обнаружилась неравномерность распределения материала в региональном аспекте. Полнее и подробнее были представлены северные области Европейской России, Сибирь, Казахстан и Средняя Азия и менее детально – Белоруссия, Прибалтика, Молдавия, Грузия, Дальний Восток [Мурзаев 1980]. Этот объективный недостаток был успешно преодолен в принципиально новой, обобщающей работе – "Словаре народных географических терминов" [Мурзаев 1984], выгодно отличающемся полнотой фактического материала (3878 словарных статей) – в него включены все наиболее распространенные термины из языков народов СССР. Закономерно, что словарь построен на основе сравнительного метода с привлечением материалов из этих языков, в него также помещена географическая лексика языков зарубежной Европы и даже Северной Африки. Такой подход позволяет получить полное представление как об ареалах терминов, так и о вкладе национальных терминологий в развитие русской терминологии. Например, русский термин *гора* имеет следующие параллели: азерб. *даг*, узб. *тоғ*, кирг. *тоо*, казахск. *тау*, алт. *туу* и т.п. В русской научной терминологии получили широкое распространение многие народные термины из национальных языков: якутск. *алас* 'поляна, луг, равнина'; туркм. *такыр* 'глинистое ровное место, лишенное растительности'; карельск. *лайда* 'низменный берег, отмель, высыхающая при отливе' и др.

Лексикографическая структура словаря хорошо продумана: каждому термину посвящена специальная словарная статья, содержащая толкование термина и комплекс его значений; указаны языковые параллели и этимология; приведены топонимы, образованные на основе терминов; определены ареалы терминов и топонимов, причем, как справедливо замечает автор, ареал топонимов обычно шире ареала термина; в конце словарной статьи даны пространственные ссылки на литературу о семантике и этимологии конкретного термина. Все термины поданы в словаре в русском написании. Э.М. Мурзаев сознавал сложность установления единой орфографии для терминов и топонимов, вошедших в русский язык из других языков, поскольку нередко один и тот же термин или топоним варьируется по написанию. Так, в Киргизии предпочитают раздельное написание термина в составе топонима, а в соседнем Казахстане – слитное, поэтому название города в Омской области воспринимается как двухкомпонентное: *Кара куль* (в русском варианте – *Кара-Куль*), а ороним *Каратау* в Джамбулской области – как одно слово, хотя термин *кара* 'черный' семантически самостоятелен и, следовательно, графически вычленим. Термин *абад* 'город, селение' в составе названия казахстанского города *Джалал-Абад* пишется через дефис и с прописной буквы, но в Азербайджане этимологически аналогичный топоним *Джалилабад* принят в слитном написании.

Предметно-образный характер народного мышления отражен в серии терминов, образованных в результате метафорического переноса семантики: например, сиб. *вавилон* 'изгиб реки или дороги'; *наковальня* 'коническая гора с плоской вершиной' (Восточный Саян); арханг. *сковорода* 'плоский подводный камень' и т.п. Достаточно образны по своему происхождению и такие термины, как *мыльные родники* 'небольшие грязевые вулканчики в окрестностях Шемахи'; *плакун* 'скудный родник, роняющий капли-слезы'; *кривун* 'речная излучина на реках Сибири'; *лобовик* 'встречный ветер на озере Селигер' и др.

Во многих словарных статьях нашел удачное воплощение принцип историзма в интерпретации географических терминов. В частности, обращено внимание на тот факт, что с древнейшей эпохи объекты гидрографии играли важную роль в хозяйственно-практической деятельности человека как места рыбной ловли, охоты на бобров, как важные пути сообщения, пути, по которым развивались экономические и политические отношения между государствами и вообще создавались цивилизации, что не могло не отразиться в языке [Мурзаев 1993]. Наиболее показательна в этом отношении история термина *река* с относящимися к нему видовыми определениями, широко представленными в древнерусском языке, но не сохранившимися в современной терминологии: *ходовая река* 'судоходная река'; *тяглая река* 'река с сильным

течением, пригодная для строительства на ней мельниц'; *голодная река* 'река без рыбы или "малорыбная" река' и т.п. Напротив, судя по материалам словаря, в русской географической терминологии сохранилось употребление термина *река* со следующими определениями: *глухая река* 'тупиковый рукав реки, старое русло'; *сухая река* 'маловодная, пересыхающая река'; *черная река* 'река, собирающая болотные воды, черные из-за наличия в них органических соединений' и др. Словарь также показывает, что значительный пласт в системе современной терминологии представляют термины анатомического происхождения, вполне прозрачные по своей внутренней форме: *глаз* 'окно воды на болоте'; *горб* 'холм, бугор, гора'; *горло* 'ущелье, проход, устье реки'; *губа* 'залив реки с устьем в его глубине' и т.д.

Ряд терминов, содержащихся в словаре, включает в себе интересную культурно-историческую информацию. Так, в русской терминологии бытует термин казахского происхождения *конур* (*коныр*) 'растительность темно-бурого коричневого цвета'. Термин известен в составе топонимов типа *Саменконур*, *Коныртау*, *Конырсу*, *Байконур*. Согласно этимологической версии, предложенной Э.М. Мурзаевым, последний топоним обозначает местность, богатую разнообразной полынно-злаковой растительностью темно-бурого цвета: *бай* 'богатый' и *конур* 'растительность' [Мурзаев 1976б].

Без преувеличения можно считать, что словарь Э.М. Мурзаева, как результат многолетней кропотливой работы, уникален, он ни в чем не уступает таким зарубежным и отечественным произведениям, как словарь под редакцией Л.Д. Стампа [СОГ 1975–76], современный географический словарь (более 1800 терминов) американских авторов [MDG 1986–87; Александрова 1989]; словарь, составленный И.С. Шукиным (5700 терминов) [Шукин 1980]; географический энциклопедический словарь (около 4300 терминов) [ГЭС 1988], а по ряду признаков (полнота и качество отбора фактического материала, способы его подачи и глубина лингвистического анализа, свобода от прочно укоренившихся в научной литературе застарелых ошибок при этимологизации отдельных терминов, например, *гёрло* и др., ареальная характеристика терминов, иллюстративно-доказательный материал) существенно превосходит некоторые из них [ТСФГ 1993; Барандеев 1994]. Словарь продолжает оставаться ценным источником для историко-лексикологических и лексикографических разысканий и нуждается в переиздании, становясь библиографической редкостью.

Ценное научное наследие Э.М. Мурзаева в области географического терминоведения требует детального осмысления, сохраняя свою актуальность для теории и практики топонимических исследований, для создания обобщающих трудов по истории русской терминологии. Это наследие убедительно свидетельствует об органичном единстве теории и практики в трудах самого ученого – одного из основоположников современной отечественной топонимики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова Т.Д. 1989 – Современная география "глазами" словаря // Изв. АН СССР. Серия геогр. 1989. № 5.
- Барандеев А.В. 1987 – Гидрографические термины тюркского происхождения в "Книге Большому Чертежу" // СТ. 1987. № 5.
- Барандеев А.В. 1991 – Формирование русской географической терминологии и топонимии в процессе межэтнических контактов XVI–XVII вв. в южнорусском регионе // Топонимика и межнациональные отношения. М., 1991.
- Барандеев А.В. 1994 – Географический словарь: оценка лингвиста // Вестник Моск. ун-та. Серия 5: Географическая. 1994. № 3.
- Глухов М.С. 1997 – Tatarica. Энциклопедия. Казань, 1997.
- ГЭС 1988 – Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины. М., 1988.
- Коготкова Т.С. 1991 – Национальные истоки русской терминологии. М., 1991.
- Мурзаев Э.М. 1939 – К географической терминологии туркмен // Изв. Гос. геогр. об-ва. 1939. Т. 71. Вып. 6.

- Мурзаев Э.М. 1940 – К географической терминологии и номенклатуре киргизов Тянь-Шаня // Изв. Всес. геогр. об-ва. 1940. Т. 72. Вып. 3.
- Мурзаев Э.М. 1948 – Этюды по топонимике Средней и Центральной Азии // Вопросы географии. Сб. 8: Зарубежные страны. М., 1948.
- Мурзаев Э.М. и В.Г. 1959 – Словарь местных географических терминов. М., 1959.
- Мурзаев Э.М. 1960 – Местные географические термины // Транскрипция географических названий. М., 1960.
- Мурзаев Э.М. 1962 – Значение местных терминов в образовании географических названий // Питання топоніміки та ономастики. Київ, 1962.
- Мурзаев Э.М. 1964 – Основные направления топонимических исследований // Принципы топонимии. М., 1964.
- Мурзаев Э.М. 1966 – Местные географические термины и их роль в топонимике // Местные географические термины в топонимии. Тезисы докл. и сообщ. М., 1966.
- Мурзаев Э.М. 1970 – Местные географические термины и их роль в топонимии // Вопросы географии. Сб. 81: Местные географические термины. М., 1970.
- Мурзаев Э.М. 1974 – Очерки топонимии. М., 1974.
- Мурзаев Э.М. 1976а – Заметки по географической терминологии Русской равнины // Топонимика и историческая география. М., 1976.
- Мурзаев Э.М. 1976б – Байконур // Рр. 1976. № 3.
- Мурзаев Э.М. 1979 – Топонимика и ландшафты прошлого // Вопросы географии. Сб. 110: Топонимика на службе географии. М., 1979.
- Мурзаев Э.М. 1980 – Словарь народных географических терминов // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
- Мурзаев Э.М. 1984 – Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Мурзаев Э.М. 1985 – Географические термины в топонимии Москвы // Вопросы географии. Сб. 126: Географические названия в Москве. М., 1985.
- Мурзаев Э.М. 1993 – Речные имена в исторической и современной географии // Топонимия России. М., 1993.
- Мурзаев Э.М. 1995 – Топонимика и география. М., 1995.
- Мурзаев Э.М. 1996 – Тюркские географические названия. М., 1996.
- СОГ 1975–76 – Словарь общегеографических терминов / Под ред. Л.Д. Стампа. Т. 1–2. М., 1975–1976.
- Толстой Н.И. 1969 – Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.
- ТСФГ 1993 – Мильков Ф.Н., Бережной А.В., Михно В.Б. Терминологический словарь по физической географии / Под ред. Ф.Н. Милькова. М., 1993.
- Фасмер М. 1987 – Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987 / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева.
- Шукин И.С. 1980 – Четырехязычный энциклопедический словарь терминов по физической географии / Под ред. А.И. Спиридонова. М., 1980.
- MDG 1986–87 – Small J., Witherick M. A modern dictionary of geography. [б/м] 1986.